

И младшая сестра сказала Шахерезаде: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«Тысяча и одна ночь»¹

¹ Перевод М. Салье.

Глава первая

Меня зовут Ева, что означает «жизнь», — по крайней мере, так было написано в книге, по которой мама выбирала мне имя. Я родилась в самой дальней комнате темного, сумрачного дома и росла среди старой мебели, книг на латыни и человеческих мумий, что, впрочем, не смогло привить мне склонности к меланхолии, ибо появилась я на свет с дыханием сельвы, уже запечатленным в моей памяти. Мой отец, индеец с янтарными глазами, был родом из тех краев, где сливаются воедино сто рек; от него пахло лесом, а еще он никогда не смотрел на небо прямо и открыто, поскольку вырос под сводчатым потолком джунглей и подсматривать за обнаженным небом казалось ему почти непристойным. Консуэло, моя мать, провела детство в тех заколдованных местах, где авантюристы всех мастей веками ищут золотой город, тот самый, который когда-то вроде бы видели конкистадоры — те немногие из них, кому удалось вернуться из самых дальних и дерзких походов и экспедиций. Эти волшебные пейзажи навсегда оставили след в ее душе, а сама она каким-то образом сумела передать эту незримую печать мне, своей дочери.

Миссионеры подобрали Консуэло еще младенцем, когда она даже не умела ходить: перемазанный грязью и экскрементами детеныш вполз на дощатую пристань, словно крохотный Иона, извергнутый из чрева кита. Отмыв странное существо, братья-миссионеры убедились, что перед ними девочка, и это обстоятельство ввергло их в некоторое смущение и посеяло определенные сомнения в их душах; впро-

чем, делать было нечего: вот он, невесть откуда взявшийся младенец, в конце концов, не топить же его в реке; в общем, срамные места девочки прикрыли пеленкой, вырезанной из старой рубахи, гноящиеся, почти нераскрывавшиеся глаза продезинфицировали, капнув в них лимонного сока, а когда дело дошло до крещения, то нарекли ее первым женским именем, какое пришло в голову. От поисков правдоподобной версии появления на свет этого ребенка было решено отказаться, воспитывали же девочку без особых изысков и не балуя ласками: миссионеры не сговариваясь решили, что раз уж Провидению было угодно сохранить ей жизнь до той поры, когда они ее нашли, стало быть, Оно само же и позаботится о ее духовном, равно как и физическом развитии, а в худшем случае на небо вознесется еще одна невинная, не успевшая согрешить душа. Четко определенного места в строгой иерархии миссии для Консуэло так и не нашлось. Она не была служанкой, да и отношение монахов к ней по сравнению с другими индейскими детьми, учившимися в школе при миссии, было совсем другое, что, впрочем, не помешало одному из братьев закатить ей хорошую оплеуху, когда она по простоте душевной поинтересовалась, кто из монахов приходится ей папой. Мне мама рассказывала, что ее положил в плывущую по реке лодку какой-то голландский моряк: наверняка эту легенду она придумала сама, чтобы раз и навсегда отвязаться от моих расспросов на эту тему. Мне почему-то кажется, что она совершенно ничего не знала ни о своих родителях, ни о том, как и почему появилась она в том месте, где ее подобрала миссия.

Миссия была крохотным оазисом в бурном море тропической растительности, в густой массе переплетенных ветвей, стволов и лиан, закрывающей землю от берегов рек до подножия огромных скал, торчащих среди нее, словно свидетельство того, что и у Создателя бывают ошибки и неудачи. Время в тех краях течет неравномерно, расстояния обманчивы и само пространство искривлено: неопытный путешественник будет ходить там по кругу, раз за разом возвращаясь к исходной точке своего пути. Густой влажный

воздух напоен ароматами цветов и трав, которые то и дело перебивает резкий запах человеческого пота и звериная вонь. От невыносимой жары нет спасения, воздух неподвижен, порывы ветра не в силах проникнуть под густые кроны деревьев, и в этой духоте спекаются камни и закипает кровь в жилах. По ночам в небе вместо звезд, скрытых пологом джунглей, пляшут мириады светящихся москитов, от укусов которых сон путника, застигнутого ночью в дороге, превращается в сплошной нескончаемый кошмар; джунгли ни на час, даже глубокой ночью, не погружаются в тишину: отовсюду доносятся птичьи и обезьяньи крики, а вдали, у подножия гор, яростно ревут водопады, так что шум срывающейся с уступов воды порой напоминает канонаду. Сама миссия представляла собой скромное по размерам здание со стенами из глины, перемешанной с соломой, а рядом возвышалась смотровая башня из длинных жердей, соединенных крест-накрест; на верхней перекладине ее был подвешен колокол, сзывавший окрестных жителей к мессе. Как и все дома в округе, церковь покоилась на сваях, вкопанных в илистое дно то и дело разливавшейся реки, ее мутные, отливающие опалом воды текли неизвестно откуда и неизвестно куда. Со стороны казалось, что не вода обтекает хижины, а они сами, сорвавшись со свай, плывут, покачиваясь на едва заметной волне, среди бесшумно вспарывающих водную гладь каноэ, среди мусора, отбросов,дохлых собак и крыс и неожиданно появляющихся белоснежных водяных лилий.

Подплывая к деревне, любой путешественник мог еще издалека разглядеть Консуэло: ее рыжие волосы языком пламени плясали на фоне вечной зелени окружающей деревню сельвы. Ее товарищами по детским играм были деревенские ребятишки — маленькие индейцы с торчащими животами, дерзкий попугай, лихо цитировавший «Отче наш», пересыпая слова молитвы разнообразными ругательствами, и обезьяна, сидящая на цепи, прикрепленной к ножке стола; время от времени обезьяну одолевала то ли жажда свободы, то ли инстинкт продолжения рода, тогда она забиралась

на стол и, глядя в лесную чащу, издавала призывные вопли, обращенные к сородичам; впрочем, эта тяга к запретному и недоступному охватывала пленницу не слишком часто и не на долгое время: покричав и постовав немного, обезьяна снова залезала под стол и принималась за свое главное занятие — вычесывание и выгрызание блох. В те годы даже в самых дальних и забытых богом уголках сельвы уже стали появляться протестантские проповедники: они раздавали индейцам Библии и настраивали их против Ватикана; эти самоотверженные подвижники тащили через джунгли телеги с пианино и органчиками, предлагая неслыханное в этих краях развлечение: совместное распевание псалмов. Поняв всю серьезность и опасность такой конкуренции, католические священники и монахи тратили все силы на проповеди среди колеблющейся паствы, соблазняемой еретиками; поэтому времени заниматься невесть откуда взявшейся девчонкой у них не оставалось, и Консуэло была предоставлена самой себе: кожу ее словно выдубили вода и палящее солнце, кормили ее кукурузой и рыбой, да и этой нехитрой снеди не всегда хватало, чтобы наесться досыта; девочку постоянно одолевали вши и блохи, все тело было искусано москитами, зато сама она была свободна как птица. От нее требовали оказывать посильную помощь по хозяйству, присутствовать на службах и время от времени посещать уроки чтения, арифметики и катехизиса; все остальное время она познавала мир так, как считала нужным: флору она постигала на вкус и на запах, за фауной гонялась, насколько хватало сил и ловкости, а воображение и память ее наполняли бесчисленные образы, цвета и ароматы, сказки и истории, пришедшие с далекой границы, мифы и легенды, принесенные рекой.

Ей было двенадцать, когда она познакомилась с одним человеком — закаленным солнцем и непогодой португальцем, на первый взгляд сухим и суровым, но полным внутреннего света и радости. Он повсюду с собой таскал кур, которые отличались невероятной, даже по куриным меркам, страстью ко всему блестящему: как мародеры в захваченной

деревне, они жадно склевывали все яркое и сверкающее, что попадалось им на глаза. Затем наступал час расплаты: хозяин одним точным, как у хирурга, движением ножа вспарывал им зоб и извлекал на свет крохотные золотые песчинки и чешуйки; разбогатеть на добытом таким путем золоте ему не удавалось, но в то же время собранного драгоценного урожая вполне хватало, чтобы питать его надежды и иллюзии. Однажды утром португалец увидел белую девочку с копной волос цвета пламени: подобрав юбку, она стояла около одной из хижин, по щиколотку утопая в топкой жидкой грязи. Мужчина лишь присвистнул от удивления; его конь понял этот свист как команду двигаться вперед. Увидев перед собой лошадиные ноги, девочка подняла глаза, ее взгляд встретился со взглядом португальца, и они улыбнулись друг другу. С того дня они стали проводить много времени вместе: он просто растерянно созерцал это чудо природы, а она с удовольствием училась петь португальские песни.

— Пойдем собирать золото, — сказал мужчина в один прекрасный день.

Они забрались в лес так далеко, что уже потеряли из виду вышку с колоколом; португалец вел девочку за собой по одному ему известным тропам. Весь день они искали выпущенных в джунгли кур, подманивая их петушиным кукареканьем и, когда удавалось разглядеть их сквозь густую листву, лоя прямо на лету. Пойманную курицу девочка зажимала коленями, а португалец точным взмахом вспарывал зоб и запускал в рану пальцы. Если курица не умирала на месте, он зашивал разрез, сноровисто действуя иглой с суровой ниткой; птицам, которым так повезло, предстояло послужить хозяину еще раз. Остальных он сложил в мешок, чтобы продать в деревне на еду или охотникам в качестве приманки. Предварительно они с Консуэло ощипали погибших птиц и сожгли на костре все перья, потому что перья приносят несчастье и вызывают у домашней птицы такую болезнь, как типун. В деревню Консуэло вернулась лишь под вечер, довольная, с загадочным выражением лица

и перепачканная кровью. Попрощавшись со своим другом, который подвез ее на лодке к террасе миссии, она проворно вскарабкалась на настил по веревочной лестнице. Здесь ее взгляд тотчас же уперся в четыре грязные сандалии, принадлежавшие двум святым братьям из Эстремадуры: монахи поджидали свою непутевую воспитанницу с самым мрачным видом, несомненно решив отказаться от дальнейшего сосуществования с этой странной рыжей девчонкой.

— Настало время отправить тебя в город, — сказали они.

Просить и умолять было бесполезно. Она не смогла добиться не только отмены приговора, но даже отсрочки приведения его в исполнение. Ей даже не разрешили взять с собой в город ни попугая, ни обезьяну: эти верные товарищи по детским играм были сочтены неуместными в той жизни, которая ее ожидала. Она отправилась в путь вместе с пятью индейскими девочками, которым, так же как и ей, монахи связали ноги. Так они могли не опасаться, что увозимые из родной деревни дети выпрыгнут из пироги и отправятся домой вплавь. Португалец попрощался с Консуэло, не прикоснувшись к ней; он долго смотрел на нее, а затем протянул прощальный подарок — золотой самородок в форме коренного зуба; в оставленный природой канал в этом сверкающем зубе был продет тонкий шнурок. Она повесила подарок себе на шею и не расставалась с ним почти всю жизнь, до того дня, пока не встретила человека, которому посчитала возможным вручить этот драгоценный подарок в знак любви. Португалец понимал, что видит ее в последний раз, такой он ее и запомнил: девочкой-подростком в переднике из выцветшего перкаля и в соломенной шляпе-сомбреро, натянутой до самых ушей; босая и печальная, она молча помахала ему на прощание рукой.

Сначала их путь на каноэ лежал по бесконечным притокам огромной реки, через умопомрачительные, подавляющие воображение джунгли; затем их высадили на берег и повезли верхом на мулах по плоскогорьям, по краям, обрывающимся вниз крутыми уступами; ночами тут было так холодно, что даже сны замерзали; через несколько дней им

пришлось пересесть в кузов грузовика, который держал путь по влажным равнинам через бесконечные рощи бананов и карликовых ананасов; иногда дорога выходила на песчаники, порой шла напрямую через солончаки, но ничто — ни непривычный пейзаж, ни красоты природы — не могло по-настоящему удивить Консуэло; не зря говорят: тот, кто появился на свет в самом удивительном, самом невероятном уголке мира, уже не способен изумляться и приходить в восторг от увиденного. За время долгой дороги она выплакала все слезы, какие были у нее, не оставив ничего про запас — для будущих невзгод и несчастий. Когда же слезы и всхлипы кончились, она плотно сжала губы, решив про себя в дальнейшем раскрывать рот лишь в случае крайней необходимости, то есть когда от нее настойчиво потребуют ответа на какой-либо вопрос. Путь до столицы занял несколько дней, а там монахи повели перепуганных девочек в монастырь Сестер Милосердия, и какая-то монашка открыла дверь одним из связки ключей, которую она носила на поясе, наподобие тюремной надзирательницы. Она провела вновь прибывших в большой тенистый двор, со всех сторон окруженный галереями; в центре двора возвышался фонтан с расписными изразцами, над ним кружились голуби, скворцы и колибри, присаживаясь на край чаши, чтобы утолить жажду. Девочки, в одинаковых серых форменных балахонах, сидели кружками в тени и длинными иглами шили матрасы или плели корзины из ивовых прутьев.

— В трудах и молитве обретете вы искупление грехов. Я пришел не лечить здоровых, но заботиться о больных. Пастух, нашедший заблудшую овцу, радуется ей больше, чем при виде всего стада. Таковы они, слова Божьи, да святится имя Его, аминь, — так или наподобие этого выразилась монахиня, сложив руки под складками своего одеяния.

Консуэло не стала вникать в смысл услышанного и вообще не придала словам монахини большого значения. Слишком усталой была она после долгой дороги, а кроме того, ее подавляло и угнетало ощущение запертости: никогда раньше ей не доводилось видеть высоких каменных стен, а уж

тем более оказаться внутри. Глядя на очерченный карнизами крыши прямоугольник неба, она думала, что вот-вот умрет от удушья. Потом ее отделили от остальных вновь прибывших девочек и отвели в кабинет настоятельницы: причиной тому был цвет ее кожи и глаз. Много лет в монастырь не попадали белые девочки; бóльшую часть воспитанниц составляли креолки из самых бедных районов города или же индейские девочки, которых миссионеры насильно привозили из дальних деревень.

- Кто твои родители?
- Не знаю.
- А когда ты родилась?
- В год кометы.

Уже тогда Консуэло умела приукрашивать поэтически образами то, чего не знала наверняка: любая нехватка информации подменялась каким-нибудь красивым оборотом. Услышав впервые от кого-то о комете, она тотчас же воспользовалась этим знанием, чтобы четко и убедительно обозначить дату своего рождения. Давным-давно, еще в детстве, кто-то рассказал ей, что люди ждали появления этого небесного тела со страхом. Многие считали, что комета появится на небе как огненный дракон, что она пронзит и сожжет атмосферу, ее хвост окружит нашу планету облаком ядовитого газа, а жара наступит такая, что расплавятся камни и вся земная жизнь погибнет. Некоторые люди настолько уверовали в неизбежность катастрофы, что кончали жизнь самоубийством, чтобы не сгореть заживо или не задохнуться при падении кометы; но другие — их было гораздо больше — предпочли провести последние, как предполагалось, дни жизни в обжорстве, пьянстве и беспорядочных совокуплениях. Даже Благодетель Отечества и тот несказанно удивился, увидев, как небо на глазах становится зеленым, а еще больше он поразился, узнав, что под воздействием кометы волосы у мулатов распрямляются, а у китайцев, наоборот, завиваются. Все это произвело на него такое впечатление, что он даже приказал выпустить на свободу кое-кого из своих политических противников, находившихся к тому вре-

мени в тюрьме уже бог знает сколько лет и успевших позабыть солнечный свет и цвет неба. Приказание Благодетеля было выполнено, несмотря на то что в душах некоторых из помилованных и выпущенных на свободу еще не до конца был подавлен мятежный дух, который они, без сомнения, могли бы попытаться передать молодежи и вообще будущим поколениям. Считаться рожденной в самый разгар всего этого переполоха — такая мысль не могла не покорить Консуэло, несмотря на слухи, что все младенцы, которые родились в тот год, несли на себе печать ужаса, сохранявшуюся на их лицах и много лет спустя, когда сама комета уже пропала из виду, как, в общем-то, и положено несущемуся во Вселенной шару, состоящему из льда и звездной пыли.

— Первым делом нужно будет избавиться от этого дьявольского хвоста, — решила мать настоятельница, взвесив на руках пучок сверкающей медной проволоки, раскинувшейся по плечам и спине новой воспитанницы.

Она распорядилась хорошенько укоротить девочке волосы и вымыть ей голову смесью щелока и осветляющего шампуня; эта экзекуция преследовала две цели: выведение вшей и придание волосам менее дерзкого цвета, чем тот, что был дан им от природы. В результате у девочки выпала едва ли не половина уже укороченных волос, а оставшиеся приобрели какой-то глинистый оттенок, что явно больше соответствовало характеру и целям религиозного образования, чем изначальный, огненный цвет.

Три года провела Консуэло в монастыре, и за все это время чувство одиночества ни на миг не покидало ее; ей все время было холодно: даже в те дни, когда солнце согревало ее тело, лед, сковывавший душу, не успевал растаять. Она отказывалась верить, что жалкое, чахлое солнце, освещавшее монастырский двор, и есть то самое небесное светило, которое до удушья прогревало отобранную у нее сельву. За стены монастыря не проникала мирская суэта, даже такие ее проявления, как экономический бум и рост национального благосостояния; этот процесс начался в тот день, когда кто-то из крестьян, копая колодец, вместо воды добрался до

забившей фонтаном черной, вонючей, вязкой жидкости — ни дать ни взять оставшегося от динозавров навоза. Вскоре выяснилось, что страна буквально плавает в море нефти, скрытой в ее недрах. Это открытие изменило даже политическую ситуацию: диктатура чуть-чуть ослабела, да и материально жить стало полегче. Объяснялись эти чудесные превращения очень просто: состояние тирана и его ближайших родственников выросло настолько, что с их барского стола и народу стали перепадать кое-какие крохи. В первую очередь жизнь стала меняться в городах; впрочем, ветер перемен, одним лихим порывом приподнявший женские юбки, дул прежде всего с нефтяных промыслов, где в основном и работали здоровенные, богатырского вида инженеры, бригадиры и надсмотрщики, приехавшие в страну с далекого севера; традиции и давние устои на глазах сдавались под натиском новых веяний; однако в монастыре Сестер Милосердия об этом не только не знали, но и знать не хотели. Жизнь здесь по-прежнему начиналась с первой молитвы в четыре часа утра: никто не собирался менять раз и навсегда установленные порядки; день заканчивался, когда колокола били шесть вечера: наступал час раскаяния в совершенных грехах, внутреннего очищения и смиренного признания неизбежности смерти, ибо любая ночь могла стать последней, могла обернуться дорогой туда, откуда нет возврата. Тишина, натертые воском каменные плиты в коридорах, запах ладана и лилий, негромко, чуть нараспев произносимые молитвы, потемневшие от времени деревянные скамьи, белые, ничем не украшенные стены, — всепроникающее и всеподавляющее ощущение Божественного присутствия ни на миг не покидало тех, кто находился в монастыре. В этом большом здании со стенами из необожженного кирпича и черепичной крышей, помимо монахинь и нескольких служанок, жили шестнадцать девочек-подростков, в основном круглые сироты или подкидыши; здесь их приучали носить обувь, пользоваться вилок, а также учили выполнять несложную работу по хозяйству: это делалось для того, чтобы впоследствии девушки могли стать

Содержание

ЕВА ЛУНА. <i>Перевод В. Правосудова</i>	7
<i>ИСТОРИИ ЕВЫ ЛУНЫ. Перевод А. Денисовой</i>	
Два слова	479
Развратная девчонка	488
Клариса	501
Жабий рот	515
Золото Томаса Варгаса	522
Если мое сердце отозвалось	535
Подарок для любимой	546
Тоска	559
Валимаи	572
Эстер Лусеро	581
Блаженная Мария	589
Из бездны забвения	600
«Маленький Гейдельберг»	605
Жена судьи	613
Путь на Север	624
Гость учительницы	637
С должным уважением	645
Бесконечная жизнь	654
Скромное чудо	667
Мечь	683
Письма обманутой любви	692
Дворец-призрак	704
Из праха в прах	721